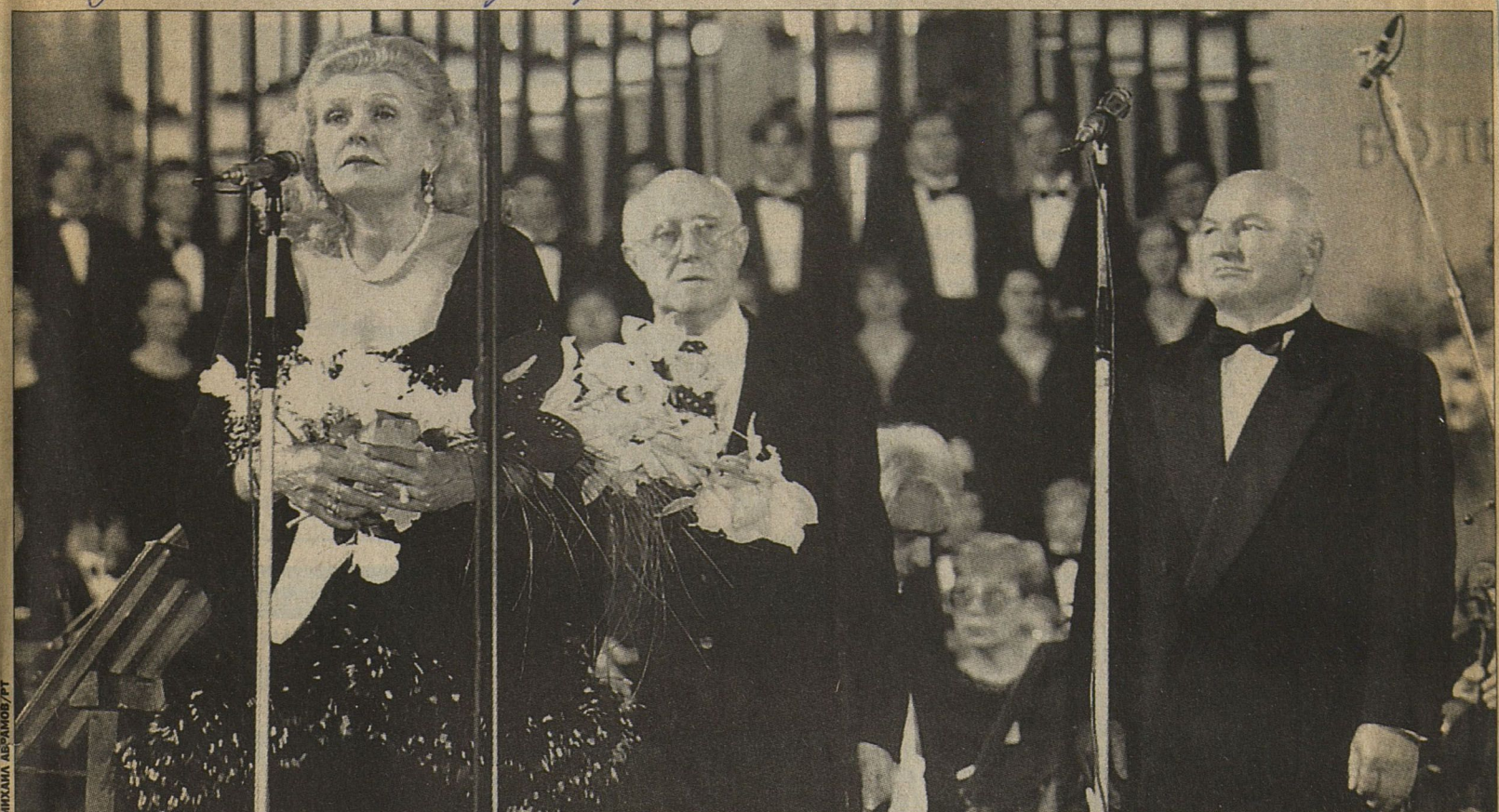

Русский телеграф, -1998.-23 март.-с. 6

Большой приз принимала Ирина Шнитке. Благодаря жюри от имени мужа, она объявила, что передаст часть средств от премии в фонд именных стипендий для молодых композиторов

Саженец музыкальной Нобелевки в российском климате

В Москве вручена международная премия «Слава/Gloria»

В портфеле у Геннадия Рождественского — симфония таинственного происхождения

Тенор Роберто Аланья и сопрано Ангела Георгиу, самая красивая пара оперного мира. Возможно, мы когда-нибудь услышим их вместе

Максим Венгеров, самый вежливый и благодарный скрипач на свете

В пятницу на сцене Большого зала консерватории, где взял однодневный тайм-аут Конкурс Чайковского, прошла одна из самых нелепых акций сезона. К тому, что на сцене выступал дуэт Ростроповича и Лужкова, Москва уже успела привыкнуть. Были и новые детали — девушки-манекшницы с цветами (не знающие, где протолкнуться и кому что вручать), видеомонитор (со сбоями показывающий то портреты великих, то прямую трансляцию с той же самой сцены), обидные пустоты в партере (VIP-публика была занята более важными делами) и нервный мелкопородный американец (когда-то он был Ваном Клиберном), дилетантски играющий Шопена в память покойного Рихтера.

Все казусы действия, однако, не должны были бросить тень на размах задуманного: в России теперь вручается самая крупная в мире премия в области музыки. Все началось с того, что в прошлом году ОНЭКСИМбанк решил сделать жест в пользу культуры и выдал премию в \$250 тыс. Мстиславу Ростроповичу. Ростропович денег не увез, а положил их на проценты, учредив с процентов стипендию молодым учащимся музыкантам. Премию же решено было назвать «Слава/Gloria», сделать ее ежегодной, а роли распределить так: ОНЭКСИМбанк — генеральный спонсор, ассоциация «Русская исполнительская школа», уговорившая Ростроповича стать своим почетным главой, — официальный учредитель, сам Ростропович — председатель международного жюри, состоящего из суперизвестных музыкантов (Менухин, Озава, Доминго, Кабалье, Пендерецкий и др.). Не осталась в стороне и Москва, чей мэр возглавил попечительский совет. Таким образом, частный русский капитал в союзе с артистической совестью мира выставил на музыкальную карту мира самую крупную музыкальную ставку. В официальном буклете сказано: «По своему авторитету и денежному выражению «Слава/Gloria» признается специалистами самой престижной в мире и является в настоящий момент своеобразным аналогом Нобелевской премии». Это безусловно верно в части денежного выражения в \$250 тысяч: известнейшая мировая музыкальная премия фонда Сименса составляет 250 DM, премия журнала Musical America — \$150 тысяч, премия лондонской Королевской академии музыки, колеблясь в размере, не превышает \$100 тысяч. И формулировка премии также близка нобелевской: она присуждается за «высшие достижения в музыкальном искусстве», за дело жизни. А вот нобелевский авторитет премии предостигает еще выслужить годами — для этого, помимо всего прочего, нужно и в Москве, где задумано каждый год проводить вручение, стать полноправной культурной столицей мира.

В этой ситуации важен сам выбор лауреата: он должен быть хорошо известен одновременно в Европе (ради международного резонанса премии) и в России (ради резонанса местного). Подобные лица, естественно, получили уже все награды, какие возможно, поэтому теперь не столько свежеспеченная премия должна осчастливить лауреата, сколько лауреат должен способствовать престижу премии. Нынешний выбор можно считать относительно удачным — премия «Слава/Gloria» удостоен Альфред Шнитке. Относительно потому, что прославленный композитор последние годы вызывает у российской публики скорее теоретическое уважение, нежели живой интерес. Поэтому одной лишь премии было мало. Требовалась сенсационная новость — ею и должна была стать мировая премьера новой симфонии.

Девятая симфония Альфреда Шнитке

В известной мере эта партитура не подлежит критической оценке. Она написана тяжелобольным человеком, лишенным речи и движения. Шнитке писал ее левой рукой, почерк кошмарен, ноты с трудом поддаются расшифровке. Тем не менее композитор написал всю симфонию от начала до конца. Так утверждает дирижер Геннадий Рождественский, работавший с рукописью автора и написавший окончательную партитуру. По его же словам, а также по свидетельству приближенного к Шнитке музыковеда Александра Ивашкина (см. вчерашний номер газеты «Время МН»), автор просмотрел работу Рождественского и одобрил ее. Вместе с тем, труд дирижера едва ли можно назвать чистой реставрацией — в авторский текст он внес доли собственной композиторской инициативы, что неудивительно, поскольку и в прежние время Рождественский был редактором, соавтором, а иногда и генератором идей большого корпуса творений неофициальной советской музыки. С тех пор музыка Шнитке сильно изменилась — в ней стало гораздо меньше открытой театральности или кинематографичности, а прямая,

личная, болезненная интонация вытеснила ранее любимые игры со стилями. Но Девятая Шнитке (если предположить печальную мысль о том, что классик оставит нам именно это, положенное любому великому композитору, число симфоний) оказалась как раз ближе Шнитке раннему — что, надо сказать, пришлось по душе многим слушателям, ожидавшим очередного мрачно-эзотерического, скучного на радость и краски опуса.

Девятая, больше похожая на концерт для оркестра, чем на симфонию, выглядит энциклопедией хрестоматийных примочек автора — с той разницей, что ни в одной из главных партитур Шнитке они не собирались вместе с такой очевидной наглядностью. Когда началось исполнение и усталые фотографии сели на пол отдохнуть, грянул мощный мажорный аккорд; не пришлось слишком долго ждать привычного чмоканья клавиш, блявня флексатона, дрожания колоколов, а потом ловко провернутого вальсика, цитат из Вагнера и Стравинского. Без очереди выбежал «Цыпленок жареный», зато аккуратно дождался своей очереди Алексей Козлов, чтобы встать в оркестре и исполнить джазовое соло на саксофоне. Довершила дело электрогитара, украсившая сладкой виньеткой тихий, опять же мажорный, аккорд струнных.

Весь набор был выдан слушателю с такой установкой на успех, какая была у Шнитке только в ранние годы — что совсем не вязалось с представлением об умудренном годе и страданиями автора. Чего не хватало энциклопедии — это такого же, как в ранние годы, мастерства, умения или желания связывать все перечисленные элементы в остроумную и полноценно звучащую конструкцию. Знак растоптал прием, метод превратился в лозунг — дыры же пришлось заполнять общими оркестровыми местами, уныло арендованными у Шостаковича.

Малые лауреаты

Симфонией Шнитке концерт не закончился: во втором отделении мы имели счастье встретиться еще с двумя лауреатами премии «Слава/Gloria». Дело в том, что помимо Большого приза организаторы решили выдавать еще два малых (по \$50 тысяч). И здесь параллели возникают уже не с Нобелевской, а с премиями вроде «Музыкант года». За достижения в прошлом году были награждены скрипач Максим Венгеров и тенор Роберто Аланья. Один — воспитанник знаменитой новосибирской школы скрипачей-вундеркиндов, другой — просто счастливый обладатель чудесного голоса. Оба — звезды мировой сцены с примерно десятилетним стажем. Обоим пришлось впахнуть в компанию Девятой симфонии.

Как Максим Венгеров играет Первый скрипичный концерт Шостаковича, мы уже знаем по прошлому московскому сезону: в этот раз он не придумал ничего лучше, как явиться опять с той же самой вещью. Снова пришлось удивиться виртуозности, а также сочетанию подострастия и равнодушия к тексту. Снова кантлена 1 части сочилась тонкой и нежной струйкой, снова в энергичных разделах звуку не хватало силы и злости, снова обнаружилось, что глубокомысленную III часть можно играть только очень взрослым и серьезным скрипачам — каких земля теперь не родит. Хочу отметить точную работу дирижера Валерия Полянского, крепко закрутившего все гайки своего грубоватого оркестра, болтавшегося у Рождественского на симфонии Шнитке.

Акомпанируя ариям, которые пел Роберто Аланья, оркестр снова потерял высоту, но это уже не имело никакого значения. Все внимание публики сконцентрировалось на редком чуде тенорового пения. Чудо спело всего два номера — Каватину Ромео (из «Ромео и Джульетты» Гюно) и Арию Лионеля (из «Марты» Флотов). Светлый, симпатичный, легкий голос Роберто Аланьи легко заполнял зал — приходилось верить, что многие лирические партии он поет сейчас лучше всех в мире, и оставалось досадовать, что как раз коронные верхние ноты выходили у него порой откровенно фальшиво.

И все же я понимаю тех, кто отдал бы за целый концерт итальянского тенора полный комплект симфоний какого-нибудь классика. Наверное, так и следовало поступить: ведь любая премия, выдаваемая в России, хороша тогда, когда она вручается удаленному от России музыканту, а тот под соусом премии приезжает к нам и дает концерт. А «Слава/Gloria», если уж идет сразу троем, должна образовывать из них красивый по смыслу треугольник. Или же каждому должен быть выдан отдельный концерт, вмененный в лауреатскую обязанность. В случае с Роберто Аланьей московские слушатели получили хорошую заправку на его следующий приезд — теперь его у нас знают и любят. Может быть, лучший практический аспект международной премии «Слава/Gloria» стоит видеть именно в этом.

ПЕТР ПОСПЕЛОВ

92